

Я БЫЛ ПОХОРОНЕН ЗАЖИВО

ПЕТР
АНДРЕЕВ

**ЗАПИСКИ
ДИВИЗИОННОГО
РАЗВЕДЧИКА**

Победа любой ценой

Петр Андреев

**Я был похоронен заживо. Записки
дивизионного разведчика**

«Яуза»

2013

Андреев П. Х.

Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика /
П. Х. Андреев — «Яуза», 2013 — (Победа любой ценой)

Автор этой книги прошел в дивизионной разведке всю войну «от звонка до звонка» — от «котлов» 1941 года и Битвы за Москву до Курской Дуги, Днепровских плацдармов, операции «Багратион» и падения Берлина. «Состав нашего взвода топоразведки за эти 4 года сменился 5 раз — кого убили, кого отправили в госпиталь». Сам он был трижды ранен, обморожен, контужен и даже едва не похоронен заживо: «Подобрали меня без признаков жизни. С нейтральной полосы надо было уходить, поэтому решили меня на скорую руку похоронить. Углубили немного какую-то яму, положили туда, но «покойник» вдруг задышал...» Эта книга рассказывает о смерти и ужасах войны без надрыва, просто и безыскусно. Это не заказная «чернуха», а «окопная правда» фронтовика, от которой мороз по коже. Правда не только о невероятной храбрости, стойкости и самоотверженности русского солдата, но и о бездарности, самодурстве, «нечеловеческих приказах» и «звериных нравах» командования, о том, как необученных, а порой и безоружных бойцов гнали на убой, буквально заваливая врага трупами, как гробили в бессмысленных лобовых атаках целые дивизии и форсировали Днепр «на плащ-палатках и просто вплавь, так что из-за отсутствия плавсредств утонуло больше солдат, чем погибло от пуль и снарядов», о голодухе и вшах на передовой, о «невиданном зверстве» в первые недели после того, как Красная Армия ворвалась в Германию, о «Победе любой ценой» и ее кровавой изнанке... «Просто удивительно, насколько наша армия была не подготовлена к войне. Кто командовал нами? Сталин — недоучка-семинарист, Ворошилов — слесарь, Жуков и Буденный — два вахмистра-кавалериста. Это вершина. Как было в войсках, можно судить по тому, что наш полк начал войну, имея в своем составе только одного офицера с высшим образованием... Теперь, когда празднуют Победу в Великой Отечественной войне, мне становится не по себе. Я думаю, что кричать о Великой Победе могут только ненормальные люди. Разве можно праздновать Победу, когда наши потери были в несколько

раз больше потерь противника? Я говорю это со знанием предмета. Я все это видел своими глазами...»

© Андреев П. Х., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Предисловие сына	6
Разведка	8
1940 год, Чирчик	10
Осень 1941 года. Разведка	14
1940 год, Чирчик	16
Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область	26
Осень 1941 года. Разведка	28
Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область	29
Осень 1941 года. Разведка	31
Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петр Андреев

Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика

Предисловие сына

Рассказы отца о войне мы с братом слышали много раз с самого детства. Некоторые имена и детали, кажется уже стали частью и нашей жизни, как и сама война, прокатившаяся еще до нашего рождения, каким-то непостижимым образом живет и в нас. Много из его рассказов, повторенное по многу раз, стало обыденным и знакомым. А потом, с годами, когда мы стали старше и, надеюсь, умнее, стало вдруг ясно, что их, эти рассказы, надо обязательно записать. Когда-нибудь не станет отца, потом и нас, слышавших эти рассказы, и мельчайшие детали, важные для правильного восприятия того времени, нашей истории, исчезнут, растворятся во времени. Останется только официальная история – сухая, мертвая, как конспект и учебник, и не всегда правдивая.

Мы стали упрашивать отца записать то, что он видел, как он это видел и понимал. Да он и сам был не прочь. Обладая великолепной памятью (нас всегда поражало, как он сохраняет в памяти сотни имен и географических названий, мельчайшие детали того времени, например, тогдашние цены и размеры зарплат), ясным умом и хорошим слогом, он мог и хотел оставить своим потомкам объемную картину увиденного.

Выйдя на пенсию и оставаясь еще очень активным и физически крепким человеком, отец с присущей ему энергией и энтузиазмом взялся за дело. Обложился картами и справочниками и начал писать.

Первую часть воспоминаний он писал во второй половине 80-х годов и закончил уже в 90-е. И она, эта часть, несет на себе следы того противоречивого времени, следы внутренней цензуры и определенную сдержанность.

Вторая часть, написанная в конце 90-х и позже, уже более раскованна и откровенна, а третья, принадлежащая уже к нашему времени, пожалуй, даже излишне радикальна (на мой взгляд). Здесь, вероятно, сказались и возраст отца, и осмысление произошедшего с учетом огромного массива новой информации по нашей истории, ставшего доступным.

И сейчас, когда пишутся эти строки, отец постоянно возвращается памятью к тем годам, вспоминает, рассказывает, живет прошедшей войной. Что отрадно, они, его воспоминания, не меняются в его рассказах. Можно было бы сказать, что он «не путается в показаниях». Порой меняется оценка, хотя и незначительно, но фактическая сторона, за редкими исключениями, остается неизменной. На мой взгляд, это является лишним подтверждением того, что все написанное – правда, конечно, в преломлении взгляда конкретного человека. Но в этом-то и ценность!

Так получилось, что мне довелось или, можно сказать, было доверено почетное право набирать и готовить к печати рукопись отца. Отец писал свои воспоминания еще в докомпьютерную эру, ручкой, как правило, на оборотных сторонах каких-то бумаг. Счастье, что у него, всю жизнь работавшего с картами и чертежами, выработался четкий, хорошо разбираемый подчерк. Позже я отдавал рукописи в набор или набирал сам, редактировал, распечатывал и отдавал ему на проверку. Потом вносил его правку. Большая и, думаю, окончательная работа по набору, редактированию и правке рукописи была проделана сейчас, в 2010 и 2011 годах.

В чем заключались редактирование и правка, проделанные мной? В основном они касались грамматики, стиля. Я убирал повторы и немногочисленные ошибки, вставлял пропущен-

ные слова и буквы, иногда меняя порядок слов, не касаясь в то же время фактологической стороны. Часто разбивал сплошной текст на абзацы и иногда менял или добавлял деление на главы. В любом случае я прежде всего старался сохранить живой голос и стиль рассказа отца, сохранить все мельчайшие детали. Хорошо зная устные рассказы отца, старался подчеркнуть наиболее важные для него моменты, если он сам что-то упускал в тексте. В первых частях, включающих большую часть воспоминаний, мой «след» совсем незначителен, в самом конце – несколько возрастает. Последние главы отец, после перенесенного в 2008 году инсульта, пишет более лаконично, отрывистыми и скупыми фразами, как бы торопясь, отчего рассказ приобретает конспективную форму. В ряде случаев я добавлял упущенные им фрагменты, которые хорошо знаю по его прежним рассказам или слышу от него сейчас. Разумеется, добавленное и отредактированное предъявлялось отцу на утверждение и было оставлено, если получило его одобрение. И если обобщить сказанное, то моя роль не велика и сводится скорее к технической. То есть в книге читатель слышит подлинный голос участника событий.

Начиная свой труд, отец хотел рассказать о войне, о своей жизни прежде всего нам, своим детям, своим внукам и правнукам (есть уже и такие). Но мне кажется, они будут интересны многим, особенно учитывая, какое большое значение для нас все еще имеет история той войны, какую громадную роль она играет в жизни людей и страны. И тогда мы решили, что рукописи не место только в семейном архиве, и стали готовить книгу к публикации. Удастся это или нет, не знаю, но очень бы хотелось, чтобы отец смог поддержать в руках и пролистать Свою Книгу, ту, которую будут читать его потомки.

М. П. Андреев.

Январь 2011 г. Антарктида, ст. Молодежная.

Разведка (Брянская обл., октябрь 1941 г.)

Солнечные лучи, пробиваясь через кроны деревьев, согревают промокшие от ночного моросящего дождя и пота шинели. Неудержимо хочется спать. Веки смыкаются, как намагниченные. Замаскировавшись, мы уже больше часа лежим перед мостом. Река не широкая – не более 30 метров. В мирное время преодолеть такую было бы не трудно. Но это в мирное, а сейчас война...

Наша дивизия, а точнее – ее половина, перед рассветом подошла к реке и затаилась у шоссе, в двух-трех километрах от моста. Уничтожить гарнизон немцев, охраняющих мост, очевидно, не представляло большого труда, но командир дивизии принял решение сначала установить наблюдение за переправой и шоссейной дорогой.

И вот мы, пятеро разведчиков 1-го дивизиона 299-го артиллерийского полка, скрытно, еще в предрассветных сумерках, подобрался к мосту и расположились в заросшей лозняком воронке, как будто специально устроенной для нас. Двое ушли на связь с командованием, а мы, преодолевая сон, наблюдаем за мостом и дорогой. Дорога пока пуста. Немцы ночью останавливаются в населенных пунктах, опасаясь передвигаться в темное время. В лесах много пробирающихся на восток групп красноармейцев, и встречи с ними им нежелательны.

В охране моста спокойно. Только тупое рыло пулемета выглядывает из окопа, да иногда движется над бруствером каска часового.

Сдерживать сон, кажется, нет никаких сил, но и уснуть нельзя, знает каждый из нас. Можно бы спать по очереди, но и это опасно, так как может заснуть и дежурный. Посовещавшись, мы договариваемся, что спать будет только один, а двое должны бодрствовать. Одновременно они не уснут, а если один уснет, второй его немедленно разбудит. Бросили жребий. Первому выпало спать разведчику Киселеву. Уснул Сережа, кажется, не опустив еще и руку со жребием. Остались вдвоем. Солнце все выше поднимается над горизонтом. Стало теплее. Дрожь, пронизывавшая все тело из-за почти неподвижного состояния после тяжелого ночного марша, немного унялась. Зато на смену ей все сильнее дает о себе знать голод. В голову неотступно лезут всякие «деликатесы» окруженцев.

Как-то раз наш дневной привал был недалеко от картофельного поля. Это мы потом узнали, что поле было картофельное. Тогда нас также мучил голод. Пожевав какие-то совершенно несъедобные листья (лакомством была бы даже заячья капуста), я решил пробраться на опушку леса. Сколько радости было, когда на поле оказалась еще не убранная картошка! Земля промерзла, уже наступили морозы, но картошка не пострадала. Так мне кажется теперь, спустя почти 44 года. В ход было пущено все – штыки, приклады. Картошкой были наполнены котелки, с которыми мы в то время еще не расстались и большое 16-литровое хозяйственное ведро, до этого бесполезно занимавшее место в повозке старшины. Забравшись поглубже в лес, разложили костер из сушняка, чтобы не привлечь к себе внимания дымом, и обед был сварен. Сейчас трудно себе представить, как это было вкусно. Не было хлеба, соли, но зато картошка такая, что остановиться не было сил. Съели не меньше чем килограммов по шесть. Это был пир. Потом, уже позже, ели и поясные ремни, и блины из прогоркшей муки, испеченные на листе ржавого кровельного железа, и наполовину изгрызенную мышами телячью шкуру. Но это потом.

Я смотрел вдоль прямой, как стрела, дороги, уходящей на восток, и в мыслях проносились события последнего года жизни. Один только год, а как много пережито, как много ушло из нашей жизни привычного, казалось, навечно закрепившегося в сознании...

1940 год, Чирчик (из довоенных воспоминаний)

Ровно год тому назад, в октябре 1940 года, меня призвали на действительную – как тогда было принято называть – службу в Красную Армию. Летом 1940 года я правдами и неправдами уволился с работы в Туле, чтобы съездить перед призывом в родную деревню на Смоленщине. Два года не видел мать и отца. Был отпуск в 1939 году, мог бы съездить, но уговорили отдохнуть в доме отдыха в Алексине на Оке. Отдохнул хорошо, но с родителями так и не встретился. А мать очень просила приехать. И вот пришлось ходить с просьбами к райвоенкому и к начальникам всех рангов за разрешением съездить перед призывом на родину.

Разрешение наконец получено. Встреча с родителями и братьями. Встреча с друзьями детства. Месяц беззаботной жизни в семье и явка в военкомат в райцентре, в городе Велиже. Призывались мы в один день со старшим братом Сережей. Сережа был 1920 года рождения. Он погиб под Ленинградом в 1943-м¹. Я же родился в 1922 году. Но так как тогда все торопились самостоятельно пробивать себе дорогу, а года иногда сдерживали нас, пришлось идти на обман. Ввел в заблуждение медицинскую комиссию (парень я был рослый) – и метрическая выписка в кармане. Повзрослел сразу на два года. И вот мы два брата, старший и младший, подходим к столу комиссии. Оба с 1920 года. Не покидает тревога: а вдруг поинтересуются? Как так, почему с одного года? Близнецы? Нет. Один (это я) родился 14 февраля, а второй – это старший Сережа – 12 июля. Но комиссии некогда было заниматься такими мелочами, и мы оба признаны годными. Оба в артиллерию, но Сережа в морфлот, в береговую, а я – в полевую. В школу младших командиров. Сережа отправлялся первым, в первой половине октября. Мне пришлось ждать еще две недели.

Сергей Харитонович Андреев

В то время призыв в армию был большим и радостным событием не только для призывника, но и для родителей. Проводить пришло много народа. До военкомата в город Велиж провожала только мама. Ехали на телеге. Младший брат Вася был в школе, ходил в 8-й класс,

---

¹ Андреев Сергей Харитонович, родился 12 июля 1920 г., наводчик миномета, мл. сержант 1-го сб 947-го сп 268-й сд 67-й армии Ленинградского фронта. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда, форсировал Неву и наступал на Рабочий поселок № 1. Погиб 14.08.1943 г. под Синявино. Прах перенесен в братскую могилу в пос. Синявино в 90-е (?) годы.

а отец был в отъезде. Мама очень обрадовалась, когда узнала, что меня отправляют служить в Ташкент – в теплые края.

Отправляли нас, призывников, в Ташкент группой – 31 человек. Всех в полковую школу. Все ребята были с полным и неполным средним образованием. Сопровождающих не было, и, чтобы как-то нас организовать, составили две команды. В первой старшим назначили меня, а во второй – Комиссарова, бывшего районного агронома. Папку с документами вручили Комиссарову.

До Смоленска, а затем и до Москвы доехали без приключений. В Москве, на Казанском вокзале, приказали – ждите. Сколько? Неизвестно. Расходиться нельзя. Вечером, когда уже начало темнеть, Комиссаров решил организовать «экскурсию» по Москве и увел всю свою команду в город, оставив свои мешки и чемоданчики с продуктами на наше попечение. А примерно через час помощник военного коменданта станции дал команду на посадку. Поезд отходит через несколько минут, а Комиссарова нет. Пришлось ехать без Комиссарова и его команды, и с нами уехали их мешки. Всю неделю (именно столько шел тогда поезд от Москвы до Ташкента) беспокоились и переживали, что будет с ребятами.

Письмо командира роты матери – Андреевой Прасковье Никитичне от 18.08.1943 г. Книга Памяти Смоленской области. С. 26. (рис. 1, 2,3)

В Ташкенте нас встретили. В Велиже, да и в Москве было холодно, а здесь в начале ноября стояла прекрасная солнечная летняя погода. Нам все очень понравилось. Саманные дома в окружении зеленых садов, обнесенных каменными или глиняными заборами. Трубные крики ишаков, да изредка чинно шествующие в поводе верблюды. Пробегающие группками и в одиночку девушки-узбечки. Мне все они казались красавицами. Загорелые симпатичные лица. Черные как уголь глаза, черные, заплетенные во множество косичек, волосы. Пожилые женщины казались неряшливыми. Особенно уродовала их чадра. В то время почти все пожилые женщины еще носили чадру. Сидя или стоя, они еще позволяли себе открыть лицо, а на ходу чадра обязательно опускалась. Очевидно, мы казались очень смешными, когда, как задиристые молодые петушки, «лезли в пузырь» при разговорах с сопровождавшими нас солдатами, возмущались, что нас так долго держат на вокзале. Нам не терпелось побыстрее приехать в часть, на что старые красноармейцы говорили, что не раз еще нам придется поплакать, вспоминая и дом, и маму, рассказывали, как тяжела здесь, в Средней Азии, служба.

Перед призывом в армию. Тула, 1940 г.

Представитель части на местном поезде привез нас в Чирчик, расположенный в 30 км от Ташкента. Нас привели на большой пустырь перед штабом полка. Чемоданы и мешки приказали сложить в кучу, а самих увели в столовую. Хорошо накормили – «от пуза». Кто-то из наших во весь голос заявил:

– А в Ташкенте паникеры говорили, что в армии плохо кормят. Видели?!

Все выглядело празднично. Предстоящая служба радовала. Огорчало одно – что нет отставших товарищей. Как они доедут? Ведь литер на проезд всей группы из 31 человека остался у нас.

ИМЕННОЙ СПИСОК приложение к № 381/90

безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 15.08.1943 г.

№ п/п	ФАМИЛИЯ, ИМЯ И ОТЧЕСТВО	Военная специальность	Должность и специальность	Место и год рождения	Полное имя и № призыва	Категория и срок службы	Возраст и по какой причине выбыл	Где похоронен	Имя, отчество и фамилия, адрес семьи или родственник
1	Александров Александр Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Александров Александр Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Александров Александр Иванович
2	Борисов Борис Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Борисов Борис Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Борисов Борис Иванович
3	Васильев Василий Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Васильев Василий Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Васильев Василий Иванович
4	Григорьев Григорий Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Григорьев Григорий Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Григорьев Григорий Иванович
5	Давыдов Давид Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Давыдов Давид Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Давыдов Давид Иванович
6	Зинин Зинин Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Зинин Зинин Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Зинин Зинин Иванович
7	Козлов Козлов Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Козлов Козлов Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Козлов Козлов Иванович
8	Лавров Лавров Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Лавров Лавров Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Лавров Лавров Иванович
9	Михайлов Михаил Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Михайлов Михаил Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Михайлов Михаил Иванович
10	Новиков Новиков Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Новиков Новиков Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Новиков Новиков Иванович
11	Осипов Осип Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Осипов Осип Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Осипов Осип Иванович
12	Петров Петр Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Петров Петр Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Петров Петр Иванович
13	Романов Роман Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Романов Роман Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Романов Роман Иванович
14	Сидоров Сидор Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Сидоров Сидор Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Сидоров Сидор Иванович
15	Тихонов Тихон Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Тихонов Тихон Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Тихонов Тихон Иванович
16	Федотов Федот Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Федотов Федот Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Федотов Федот Иванович
17	Харьков Харьков Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Харьков Харьков Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Харьков Харьков Иванович
18	Цыганов Цыган Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Цыганов Цыган Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Цыганов Цыган Иванович
19	Чайков Чайков Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Чайков Чайков Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Чайков Чайков Иванович
20	Шаров Шаров Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Шаров Шаров Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Шаров Шаров Иванович
21	Щербинин Щербинин Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Щербинин Щербинин Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Щербинин Щербинин Иванович
22	Юрьев Юрий Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Юрьев Юрий Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Юрьев Юрий Иванович
23	Яковлев Яков Иванович	Инженер	Инженер	1918, г. Москва	Яковлев Яков Иванович	1-й разряд	1943, 15.08.43	Москва	Яковлев Яков Иванович

Донесение о безвозвратных потерях 947-го сл 268-й сд с 10 по 15 августа 1943 г. (ЦАМО № фонда 58. № описи 18001, № дела 592)

После обеда какой-то старшина приказал выбросить все взятые в дорогу продукты, сказал, что они нам уже не потребуются. Приказ выполнили немедленно. Куски сала, пироги, масло, все, что не съели в дороге, было отнесено к уборной. Но поскольку почти все мы выросли в деревне и знали цену продуктам, то мало кто посмел бросить продукты в мусорный ящик. Все сложили на траву у стены и на подоконник. Каково же было наше удивление, когда все, что мы принесли, тут же, почти из наших рук, было разобрано подбежавшими солдатами.

– Обжоры! – возмущались некоторые из нас. – Так хорошо кормят, а они куски собирают.

Через сутки прибыла команда Комиссарова. Грязные, исхудавшие, голодные. Забегая вперед, скажу, что Комиссаров, уже и будучи курсантом, не отличался примерной дисциплиной. Всю службу он держал первенство по нарядам вне очереди. Как у нас говорили, не вылезал из конюшни.

Осень 1941 года. Разведка (продолжение)

Однако временно пришлось оставить воспоминания. За бруствером у немцев что-то зашевелилось. Из полуземлянки один за другим стали выбегать солдаты, кто в брюках, а кто и без них, резво направляясь в кустарник слева от землянки. Руки сжали приклад винтовки, когда один из немцев вывалил из штанов широченный зад, направив его прямо в нашу сторону. Но разум подсказывает: нельзя выдавать себя. Необдуманном шагом можно погубить намеченную операцию.

Немцы, умывшись из таза – нам хорошо были видны их голые спины, – стали готовить завтрак. Отчетливо слышно было, как штыки протыкают жестяные крышки консервных банок. Кажется, и до нас доходит запах мясных консервов. Слюну не удержать, а живот еще больше подтянуло к позвоночнику. С той стороны речки слышны режущая ухо немецкая речь и гоголющий смех здоровых сытых людей.

Вдруг сзади еле слышались завывающие звуки двигателей машин. Вот-вот должны вернуться связные. Будим Сережу. Мне и Ивану придется поспать позже. Если придется. Пытаемся сосчитать немцев в охране у моста. Сходимся на десяти. Шум колонны нарастает. Часовые подтянулись. Выходят к мосту одетые по форме, в шинелях, поблескивают оловом пряжки поясных ремней. У живота отливают чернотой автоматы. Поглядывают на запад, откуда вот-вот должна появиться колонна. Консервные банки полетели в реку. Сразу же потянуло крепким запахом кофе. В это время из-за леса, скрывающего от нас дорогу, выскочил бронетранспортер. Вдоль бортов лицом к лицу сидят солдаты в шинелях мышиного цвета. На головах каски. Одна за другой выползают автомашины с длинными кузовами, полные сидящих правильными рядами солдат. За четвертым грузовиком идет фургон, напоминающий наши машины автотехобслуживания, только вдвое большего размера. Из трубы над крышей струится сизый дымок. По телу пробежала дрожь. А что, если колонна сделает остановку и солдаты разбегутся по придорожному лесу? Мы от дороги всего в 100–150 метрах.

Но на этот раз обошлось. Транспортёр выехал на мост, проскочил его и уже удаляется по насыпи, следом за ним – колонна автомашин. Двое солдат охраны, стоявших у перил по обе стороны моста, отправились в свою землянку, очевидно, допивать кофе.

Мы меняем положение. Расправляем затекшие от напряжения руки. С западной стороны слышен еле заметный шорох. Показалась пилотка, а за ней и вторая. Это наши разведчики Шевченко и Кусов. С чем идут? Какой поступит приказ? Заранее известно только, что поесть не принесли ни грамма. Продуктов нет. Нет уже две недели.

Шевченко и Кусов рассказали, что через мост будут прорываться основные силы дивизии. В том числе артиллерия и обозы. Задача нашей группы: обеспечить непрерывное наблюдение за дорогой и за действиями группы охраны моста. Связь через каждые два часа. Теперь можно и поспать, поочередно. Но сон прошел, и пока Саранин, Шевченко и Кусов дремлют, мы с Киселевым наблюдаем.

На мосту оживление. Мы все чаще отрываемся от собственных дум. Шоссе работает с полной нагрузкой. Одна за другой идут автоколонны. Больше транспортные. Иногда проходят отдельные бронетранспортеры. Наши подопечные ведут себя спокойно, не подозревая об опасности, но за пределы своего гарнизона не выходят.

Мы тоже освоились с обстановкой. Иногда, когда шоссе опустевает, даже становится как-то скучновато. Погода, кажется, первый раз за две недели выдалась на славу. Неяркое осеннее солнце греет спину через ветки кустарника. На небе ни облачка. Плохо, что земля холодная. Вообще холодно, а руки и ноги затекают от долгого лежания в одном положении. Хочется лечь

на спину или сбегать к реке умыться. Но это не для нас. Надо терпеть. Только выдержка и настойчивость приносят успех.

Жизнь идет своим чередом. Наши уставшие товарищи спят. Двигутся на восток немецкие части. Киселев их аккуратно отмечает в блокноте. Кто-то из немцев в охранении играет на губной гармошке. Опять набегают воспоминания.

1940 год, Чирчик **(из довоенных воспоминаний)**

После сытного обеда, с пустыми баулами, нас отвели к казарме. Приказали сложить вещи в кучу и повели в баню. Баня была далеко – километрах в трех от школы. Встречавшиеся по дороге солдаты и командиры с улыбкой смотрели на наш строй. Вид его, очевидно, не мог вызвать другой реакции.

Командовал старшина. Я уже был не у дел, хотя еще в военкомате и по дороге в часть вся моя команда единодушно выбрала меня командиром, и убедить их в несурзности этого решения было невозможно. Колхозные порядки. Но шел я все-таки в первом ряду. И так уже повелось, что все время учебы в школе я ходил в первом ряду. Может, был выше всех? Как будто нет, Омуцинский и Шевченко были повыше.

После бани, одетые в форму не по размеру, мы не узнали друг друга. Долго смеялись. Потом в течение нескольких дней менялись вещами друг с другом. Кое-что менял и старшина. Всю свою одежду, обувь и белье нас заставили уложить в выданные мешки, написать фанерные бирки и сдать на полковой вещевого склад.

Мы уже знали, что существует приказ наркома обороны Тимошенко – демобилизованных из армии красноармейцев отправлять домой в собственной одежде. В чем прибыл, в том и уедешь. В Москве мы уже видели демобилизованных, одетых в форму б/у. Брюки с заплатками да такой же бушлат, только еще более неряшливый из-за многочисленных масляных или еще каких-то пятен. Говорили, что солдаты теперь домой возвращаются только ночью, а днем сидят в кустах или оврагах на подходе к родной деревне. Когда они призывались, приказа еще не было, свою одежду они почтой отправили домой, а просить вещи к демобилизации из дома неудобно – вдруг пришлют лапти. Вот и приходилось их как-то обмундировывать в форму б/у. Нам же предстояло быть первыми, возвращающимися домой в собственных армяках, фуфайках, кожухах, а может быть, кое-кому и в лаптях. Кстати, лапти в то время были не редкостью, а в некоторых деревнях – даже самой распространенной обувью.

Приказ этот шокировал своей мелочностью не только призывников. Демобилизованный солдат лишался возможности показать себя во всей красе военнотружущего. В то время демобилизованный долго, месяцами, а то и годами щеголял в форме красноармейца. Это было красиво и модно. Лучшие женихи были женихи в форме красноармейца. И другая сторона дела – семья лишалась возможности получить одежду и обувь для одного из ее членов, да еще и праздничную. В то время это было очень важно. Тогда каждая портянка была ценностью. И не потому что люди были жадными. Просто очень многого не хватало. Пусто было в магазинах, а если что и было, то и в кармане было пусто. Молодые люди, даже мои дети, возможно, отнесутся к написанному скептически, а может быть, и не поверят. Ведь сейчас положение кардинально изменилось. Теперь демобилизованные, наверное, тоже приходят домой со службы ночью, чтобы не видели соседи и любимая девушка. Или еще в части надевают импортный костюм и лаковые туфли. И не потому, что их плохо одели. Нет. Теперь и в новую форму одевают, да и форма уже не та. Раньше вся форма, кроме шинели, была из х/б, а теперь шерстяная и вместо гимнастерки – френч. Просто мы жить стали лучше. А память у людей коротка.

Чистые и одетые, мы смогли наконец переступить порог школы. Наружный вид здания (если можно так назвать саманный барак с выбитыми кое-где стеклами) особого впечатления не произвел. Внутренним видом и начинкой мы даже были шокированы. Большой зал с неровным цементным полом и без потолка – только стропила и балки. Потом говорили, что эти балки были излюбленным местом ночных прогулок попавших на службу лунатиков. Правда, их быстро списывали – боялись, что, нечаянно упав, могут задавить сразу несколько человек,

спящих на верхнем ярусе нар. Все помещение от входа и до задней стенки было занято двумя рядами двухъярусных нар. На каждом ярусе в два ряда, головами друг к другу, спали курсанты. Над головой – узенькая доска. Это место для личных вещей. Поскольку больше места для личных вещей не было, то не было и личных вещей. Или наоборот. Все остальное пространство, не занятое нарами, называлось проходом. Один центральный и два боковых – вдоль стен. У двери – стол дневального. У входа в казарму две комнаты: слева – канцелярия школы, справа – каптерка старшины.

Распределили нас по взводам. Меня – во взвод топоразведки. Появились командиры отделений и помкомвзводов. Каждый получил свое место на нарах. Набили наволочки соломой, и служба началась.

Первые дни были заполнены работой по строительству землянок и уходом за лошадьми. До нашего прибытия была построена только казарма, а самой школы еще не было. Дивизия недавно перебазировалась из Барабинска и только начинала обживаться на новом месте. Необходимо было построить классы – по одному на взвод. Строили их только взводы управления: топоразведки, связи и радио. Считалось, что огневики могут проводить все занятия в полевых условиях, в артпарке под открытым небом. Копали землю. Для устройства крыш в 10–15 км от части рубили камыш. На лошадях в седле возили его в часть. Эту работу выполняли за счет самоподготовки, свободного времени бойца, мертвого часа и выходных дней. Расписание занятий и уборка конского состава выполнялись с точностью до минуты. Чтобы уложиться в расписание, мы никогда не ходили, а точнее – нас не водили шагом. С подъема и до отбоя и даже после отбоя мы передвигались только бегом. Как только наступила зима (с декабря по февраль), нас каждую ночь после отбоя – я не оговорился – стали поднимать еще и на проводку лошадей.

День был заполнен так, что курсанту некогда было сходить в уборную.

Во всем отработывался автоматизм. Подъем. Через 30 секунд все в строю на улице. Повзводно. Весь наш личный туалет, и то не ежедневно, состоял в утреннем умывании (плеснуть раз-два холодной водой в лицо) без чистки зубов. Брюки и гимнастерку ухитрялись надеть еще в постели, под одеялом. Перед подъемом казарма уже шумела. Кое-где была слышна команда «Раздевайсь!». Это сержанты – командиры отделений и помкомвзводов ловили нарушителей. Потом, перед отбоем или после отбоя, засеченные нарушители – опоздавшие в строй и те, кто был одет не по форме, будут десятки раз одеваться и раздеваться, укладываясь в постель после каждого раздевания. Труднее всего было обуваться. Второй ярус прыгал на голову первому. Случались конфликты. Теснота была такая, что не нагнуться, чтобы обернуть ногу портянкой. Но и здесь находили выход. Портянками накрывалось каждое голенище сапога. Так она просыхала. А при подъеме нога влезала в голенище сразу вместе с портянкой. Надо было лишь подоткнуть концы, чтобы не было видно. Но сержанты и тут были начеку. В строю – не всех, конечно, а тех, кто был на замечке, – заставляли разуваться. И опять сыпались команды «Раздевайсь! Одевайсь!» или – «Два наряда внеочередь!».

Проблем с ночной уборкой казармы и с дневальными на конюшне не было. Очередь по графику постоянно отодвигалась за счет внеочередников. Получившему наряд не позавидуешь. Свой наряд по графику и, кроме того, внеочередной – через день. А наряд нести очень тяжело. Если уборка казармы – это значит, что все курсанты спят, а наказанный моет полы, а утром вместе со всеми идет в строй. А мы и так никогда не высыпались. Наряд на конюшню был суточный. Целые сутки надо было убирать навоз. В стойле у лошади его быть не должно. А лошади порядка не знают. Все время то в одном конце конюшни, то в другом слышно, как они оправляются. Как будто нарочно в разных концах, чтобы дневальный больше бегал. Кормление, водопой и чистка лошадей в обязанности дневального не входили.

И вот, для того чтобы выкроить хоть немного времени для отдыха, Иван Саранин придумал для лошадей команду «Оправиться!». Как он потом рассказывал, пробовал сначала отда-

вать команду голосом – не поняли или не захотели выполнять. Были и другие попытки, но самым действенным оказалось пробежать с седлом вдоль стойл, и лошади, как по команде, оправлялись. Теперь убери и можешь присесть на кипу сена. Объяснял он это так. Лошади думают, что их будут седлать, и готовятся. Похоже на правду.

Подъем, построение и бегом на конюшню, на утреннюю уборку лошадей. Те, у кого были лошади, – а не имели их только радисты и связисты, а у ездовых огневых взводов и некоторых разведчиков, они же коноводы офицеров, было и по две лошади – освобождались от утренней зарядки. Сначала надо было зачистить лошадей жгутом из сена или соломы так, чтобы лошадь была сухая и не было пятен грязи. Потом чистка щеткой. Принести брезентовым ведром воды и напоить. Получить у каптенармуса порцию овса, насыпать в торбу и надеть лошади на голову. Пока она ест, надо принести и положить в кормушку сено. Затем в оставшееся время почистить седло и уздечку. Особенно внимательно надо было следить за стремянами. Стремяна, седла и шпоры на сапогах постоянно должны были блестеть как зеркало. Чистили мы их толченым кирпичом, суконкой и балалаечной струной, натянутой на деревянную развилочку. Такое приспособление почти каждый носил в кармане.

Курсант полковой школы в Чирчике. 1940–1941 гг.

Уборка закончена. Командиры отделений проверяли. Кто плохо почистил, получают взыскания. Порядок был такой: чистить так, чтобы гимнастерка на спине была мокрая. Снова в строй и бегом в казарму. Команда «Стой! Разойдись умываться!» Через 5 минут опять команда – «Строиться! Становись!» Кто проворнее, успевал раздеться и плеснуть несколько раз воды в лицо. Остальные надевали гимнастерки, не умывшись. Умывальников не хватало. На 130 курсантов плюс сержанты было около 40 сосков. Умывальники были самодельные, из проржавевшего оцинкованного железа. Установлены они были под открытым небом. Кроме того, дневальные часто наливали мало воды. Всем не хватало. Подходить к умывальнику разрешалось только без рубашки, поэтому особенно неприятно было умываться во время дождя и снега.

После умывания – бегом в столовую. Заготовители от каждого подразделения во главе со старшиной или дежурным уже ушли заранее. На каждый стол, на десять человек, подавался бачок с кашей или картофельным пюре, хлеб и сахар по весу. В дележке поданного на стол принимали участие все без исключения. Разделить надо было так, чтобы никому не было обидно. Сахар выдавался колотый, и делить его было трудно. С хлебом легче. Пока хлеб и сахар рас-

кладывались на десять кучек, все выбирали себе кусок побольше. Тянулись так, что рисковали свернуть себе шею.

Я писал, как хорошо нас накормили в первый раз. К сожалению, тот раз был и последним. Праздник для нас кончился, и позже мы все время ходили голодные. Молодые, двигались почти круглые сутки, а питание было такое, что сейчас мне кажется, что на такой пище даже старику при сидячей работе было бы не прожить. Кроме того, перерыв от завтрака до обеда был почти 9 часов. В результате нашим талиям позавидовала бы любая девушка. Поясного ремня хватало на два оборота и под пряжку. Пальцы двух рук свободно смыкались на талии.

Хлеб и сахар разложены. Звучит команда «Огонь!», и на большой кусок падает сразу несколько рук. Деливший в таких случаях получает отставку. Надо было разделить все так, чтобы было поровну.

Ели, у кого была ложка – ложкой, у кого не было – через край, второе – хлебом. Ложек нам в столовой не давали. Приобретали кто как мог. Достать было очень трудно. Военнослужащие хозяйственных взводов (им иногда приходилось проезжать по городу) могли принести ложку оттуда, и только деревянную. Ложки мы носили в карманах брюк или за голенищем. При занятии физкультурой, особенно на брусьях, черенки отламывались, поэтому если у кого ложка и была, то без черенка. Есть надо было быстро. Разложив кашу по мискам, один хватал бачок и бежал на кухню за чаем, это в 100–150 метрах от столовой. Остальные быстро расправлялись с кашей. Чай наливали в те же миски и выпивали через край. Кто не успел съесть, записывал хлеб и сахар в карман. В это время раздавалась команда «Встать! Выходи строиться!» Кто зазевался, оставался без еды. Поблажек никому не было. Но мы скоро так наловчились, что после завтрака или обеда успевали попытаться счастья получить добавку у раздаточного окна кухни. Удавалось это редко, так как у раздачи оказывались почти все курсанты и половина солдат с батареей. Были, правда, шустрые ребята, которые этим благом пользовались почти каждый день. Курсант Бембель, небольшой, ростом всего 1,55 метра, успевал съесть свою порцию, получить добавку, примерно 30 солдатских порций – и уже на подходе к школе догнать строй.

Есть хотелось все время. Во время работы, в перекуры на занятиях, даже под одеялом в постели можно было слышать разговоры о том, чем кормили матери, что и как готовили. Уже в более зрелые годы, анализируя происходившее в то время, приходишь к выводу, что того питания нам, видимо, хватало. Слабости не чувствовали. Хорошо бегали, прыгали. Не чувствовали большой усталости, проводя без сна по несколько суток или совершив шестидесятикилометровый переход по гористой местности с полной солдатской выкладкой.

Купить хлеба или узбекскую лепешку рядовому курсанту или солдату было почти невозможно, даже имея деньги. Иногда курсанты, чтобы купить несколько лепешек, заведомо шли на преступление – переплывали через арык, хотя знали, что такой поход может закончиться гауптвахтой. Правда, был у нас один курсант, старше нас годами и более развитой, с высшим техническим образованием и приятной внешностью. Он умел поговорить, был знаком с женами некоторых офицеров, и они иногда покупали ему в ларьке для офицеров, находившемся на территории полка, немного хлеба.

Однажды он и мне принес кусок хлеба, граммов пятьсот. Я сразу съел граммов пятьдесят, а остальное аккуратно завернул и положил на свою прикроватную полочку. И чувство голода прошло. Двое суток я жил спокойно, съедая по 50 граммов хлеба в день, конечно, как добавку к обычной солдатской норме. Потом я ловил себя на подобном не раз. Положишь на полочку завернутый в газету кусок узбекской лепешки – и жить становится легче. Есть во фляжке вода – пить не хочешь, нет воды – мучает жажда. Даже на фронте, находясь в экстремальных условиях, чувствуешь себя увереннее, когда у тебя на ремне висит фляжка со спиртом, а в вещмешке лежит банка тушенки и кусок хлеба или сахара.

Вскоре хлеб исчез. Унес его курсант Герасимов. Это был несчастный человек. Служить ему было невыносимо тяжело. Все ему давалось с очень большим трудом – и строй, и учеба,

и работа. Он всегда был голоден, всегда замерзал. Повсюду его ругали. Все над ним смеялись. Переломить себя он уже не мог. Единственная работа, которая его устраивала, это быть рабочим по кухне. Он всегда просился дневальным по кухне, где ел почти сырую картошку. Объявдался ею, потом по несколько дней болел, непрерывно бегая в уборную, а на полевых занятиях – за бугорок или в воронку. Выздоровливал – и снова просился на кухню. Неизвестно, чем бы это кончилось, но зимой вышел приказ отправить несколько человек в Казахстан. С ними отправили и Герасимова.

Сейчас много пишут и говорят о тяжелой жизни в армии – как плохо живется солдатам и офицерам и их семьям, и никто не рассказывает, как было раньше, в то, советское, время. Я думаю, что было во много раз тяжелее. И даже представить невозможно, что было бы, если бы кто-нибудь из солдат или офицеров пожаловался на трудности службы.

Я уже упоминал продовольственный ларек для офицеров, находившийся на территории полка. Офицеры нашей части жили в военном городке или снимали углы в Чирчике, в частных домах у узбеков. Одно время я был связным у командира взвода разведки – лейтенанта Лебедева. При объявлении тревоги я должен был передать лейтенанту, снимавшему угол в Чирчике, команду «Тревога!». Помню, что уже не молодой, как мне тогда казалось, лейтенант жил в каком-то саманном сарайчике с маленьким оконцем и земляным полом. Мебель – железная односпальная кровать, стол и табуретка. На территории части, в отдельном домике, жил только командир полка майор Завьялов. С другими солдатами мы как-то обсуждали, почему продовольственный ларек находится на территории полка, а не в военном городке, из-за чего жены офицеров вынуждены ходить за продуктами за два с половиной километра. Одни шутили, что это сделано специально, чтобы подразнить солдат. Другие считали – чтобы создать максимум удобств командиру полка. Третьи же уверяли, и они, пожалуй, были ближе всего к истине, что ларек находится на территории, куда нет доступа гражданскому населению. Будь по-иному, продукты мгновенно раскупили бы местные жители, военный же городок не охранялся, и семьи офицеров остались бы голодными.

Теперь о солдатах. Когда я вижу репортажи о «голоде» в воинских частях, где солдаты в микрофон говорят, что надоела тушенка, «хочу маминых пирожков», у меня возникают двойственные чувства. Радует, что Россия дожила до такого времени, когда солдат кормят тушенкой, и в то же время огорчают такие безответственные репортажи и публикации средств массовой информации. Мне кажется, правильнее было бы сравнить быт нашей армии не с бытом армий западных стран и Америки, а со вчерашним днем, то есть с довоенными временами нашей собственной армии. Ведь мы оттуда идем. Тогда бы все выглядело совсем по-другому. А то мы 70 лет строили коммунизм, построили неизвестно что и сравниваем нашу жизнь с жизнью капиталистических стран. Нехорошо. Мы получили то, что создавали.

Вот показали бы нашим теперешним военнотружущим, как мои современники солдаты просились в наряд по кухне. Работа тяжелейшая. Уборка, мытье полов и посуды, переноска грузов – ящиков и мешков с продуктами, чистка картошки большими разделочными ножами. Это сутки работы без отдыха и сна. И на эту каторгу у командиров просились. Причем получивших наряд вне очереди на кухню не посылали, поскольку это был наряд, где можно было «от пуза» наесться картошки. Полусырой, полусгоревшей, сваренной укладкой в топке котельной. О мясе, рыбе, котлетах мы понятия не имели. Правда, у нас устраивались так называемые постные дни, обычно приуроченные к учебным выходам на 40–60 км, когда нам на обед давали граммов 50 сухой говяжьей колбасы и не давали воды.

Хорошо это или плохо? С какой стороны посмотреть. Тяжело, даже очень тяжело, но зато нам было не так трудно на войне. Мы месяц могли жить без продуктов, питаясь лишь корой деревьев и кореньями осоки. Могли в октябре – ноябре идти по болотам без сапог. Спать на ходу или в лесах и болотах, под дождем и снегом без палаток, в летнем обмундировании.

И еще одно отступление. Теперь много говорят и пишут о воровстве в современной армии, обвиняя во всем нынешнее правительство и президента. Обвинители стараются показать, что это зло родилось вместе с демократическим режимом. Думаю, что воровство в армии началось гораздо раньше.

Пример на уровне полка. Солдаты голодают. А находясь в наряде на кухне, мы видели, как весь день в больших противнях в кипящем масле жарились пончики. Не знаю, ели ли их офицеры, но рядовой и сержантский состав о них даже представления не имел. Кроме того, в полку была ферма, где выращивались коровы и свиньи. Обслуживал ферму взвод солдат срочной службы, и иногда им в помощь посылали солдат из батарей. Ферма была, а вот ни молока, ни мяса солдаты не ели и даже не видели. Обворовывать солдат продолжали и на фронтах, все годы войны. И пороком этим была заражена не только армия, но и все построенное на лжи советское общество, построенное нечистыми руками и на деньги Германии, противоборствующей стороны в войне с Россией.

Искоренить этот порок, имеющий семидесятилетнюю давность, не просто, а сейчас, наверное, и вообще невозможно, тем более без коренной реформы армии. Особенно если учесть обстановку в нашем обществе, где такие порядки устраивают значительную часть людей, для которых чем хуже, тем лучше, где невероятно многочисленный генералитет и полно обиженных коммунистических функционеров, всеми силами старающихся повернуть историю вспять.

Через две недели после нас в школу прибыла группа украинцев, 38 человек. Мы уже чувствовали себя старослужащими, а тут новички. Не знаю, может быть, это и не так, но нам казалось, что мы вживались в распорядок дня легче, чем они. А с их приездом – каждый день событие. Особенно при подъеме. Построение. Команда: «Рассчитайсь!» Одного-двух человек в каждом взводе не хватает. Начинаются поиски. Прятались ребята под матрасы, за ружейные пирамиды, но чаще всего под нары. Прошло некоторое время, и все стало на свои места. Уже не слышно было: «Кого нет?» – «Сидоренко!»

Быстро прошел ноябрь с его чудной погодой. Закончили строительство учебных классов. Полным ходом шли работы по строительству конюшен. Лошади пока стояли на коновязях под открытым небом.

Наступил декабрь. Пришли холода. Почти каждый день шел дождь, а то и со снегом. Сутки, и до того напряженные, уплотнились еще больше. На сон времени не оставалось совсем. Оказалось, что лошади менее выносливы, чем человек. В этом мы потом убеждались не раз. Лошади замерзали. Нет, случаев гибели от стужи не было. Они просто дрожали под дождем и мокрым снегом, и их надо было согревать. С этого времени у нас изменился распорядок дня. Или, скорее, распорядок ночи. Если раньше мы спали с 11 вечера до 6 часов утра, то теперь отбой был, как и раньше, – в 11, а подъемов уже два. Первый – в час или два часа ночи, зависело это от температуры, а второй, как и раньше, – в 6 часов. Только успеем согреться в гуще тел, только просохнет белье (даже в холодную и дождливую погоду нам не разрешалось надевать шинели), как гремят команды: «Тревога!», «Подъем!», «Выходи строиться!», «Шагом марш на проводку конского состава!». Мы, тепленькие, только с постели, с закрытыми глазами выбегали на улицу, под дождь со снегом, и, съездившись, становились в строй. Под ногами непролазная грязь. В Средней Азии микропористые грунты, они очень легко промокают, и на довольно большую глубину, превращаясь в вязкое липкое тесто. За сапогами тянутся пудовые глыбы грязи.

В кромешной тьме прибегаем на конюшню. Отвязываем каждый свою лошадь, и начинается проводка. Водить лошадь можно, как кто умеет и где хочет. Ходить под дождем по грязи не очень приятно, поэтому каждый норовит забраться лошади на спину. Седла и уздечки

брать нельзя. Недоуздок с чумбуром (металлической цепью)² – вся амуниция. Тут и начинается свалка. Стоит только взобраться лошади на спину, как она становится неуправляемой. Чумбур, заправленный ей в рот вместо удил, не помогал. Лошади пускались бежать, играть, вскидывая задом. Инициаторами игр всегда выступали жеребцы. Кастрировали их уже весной, перед самой войной. Всадники летели в грязь, а лошади оказывались на свободе. Всех беглецов надо было поймать и вернуть на привязь.

Вся наша конюшня была укомплектована полудикими длинношерстными лошадьми с длинными хвостами. Они были набраны из табунов Казахстана, и мы их вводили в «христианскую веру». Обучали ходить под седлом и брать препятствия, щетками, работая почти по пять часов в день, вытирали длинную шерсть, моя каждую неделю теплой водой с мылом, выводили перхоть.

Лошадь сразу чувствует, когда ее отвязали от коновязи, и начинает бегать, а то и прыгать – это уж зависит от темперамента. Ей надо согреться или размяться, может, она просто застыла, вопрос спорный. Одна пегая кобыла, не поддающаяся приручению, стояла у нас на одиночной привязи – металлическом колышке. Ей на палке подавали воду и подпихивали сено. Даже казахи, от рождения конники, после нескольких попыток отказались ее объездить. Так вот эту кобылу никто никогда не проводил, не согревал, а она прекрасно выглядела и никогда не кашляла. И на фронте лошади круглый год находились под открытым небом, только иногда, при длительной обороне, им строили землянки, хотя были и дожди, и снег, и морозы до 45 градусов, но не было случая, чтобы лошадь замерзла.

После проводки всех лошадей надо было протереть жгутами из сена. И только после этого нас вели в казарму. Но в казарму не пускал дежурный. Мы были грязные с ног до головы. На мойку и чистку сапог и обмундирования уходили драгоценные минуты, и все меньше оставалось времени на сон. Обычно второй раз мы ложились в 4–5 часов. Здесь отбоя не было, кто как управится. Засыпали быстро. На нарах у каждого из нас было место шириной сантиметров пятьдесят. Когда ложились, наши тела плотно прижимались друг к другу, и мы быстро согревались. Мы всегда шутили – «Поворачиваться по команде». Подъем, как всегда, был в 6 часов, без скидок на ночные работы.

В таком ритме и проходила служба два зимних месяца. Ташкентская зима – декабрь и январь. Шла напряженная учеба по специальности в условиях, приближенных к боевым, в основном в поле. В классе иногда занимались только радисты. Отрабатывали технику. Все другие взводы, разобрав приборы и оружие, уходили под дождь, а затем и под снег. Морозы в том году были для тех мест рекордные – до 20 градусов. Обмораживали носы и уши. Я уже упоминал Герасимова. Так вот он в такие морозы команду «Ложись!» кое-как выполнял, а выполнить команду «Встать!» ему часто не удавалось. Даже винтовка у него выпадала из рук. Мы отогревали ему руки, командиры надевали на него свои теплые перчатки – ничего не помогало. Он тут же опять замерзал.

Много времени уделялось строевым занятиям, конным и физкультуре. Все оставшееся личное время бойца, «мертвый» час и выходной день отдавались строительству конюшен. Подвозили и рубили солому. Разогревали битум. Перемешивали землю с соломой и битумом и набивали этой смесью полы стойл. К весне конюшни были готовы. Мы вздохнули с облегчением. Еще больше, наверное, были довольны наши друзья – лошади. Они перебрались под крышу.

Мы думали, закончим строительство – станет легче, но этого не случилось. Правда, стали давать время (один час) на самоподготовку – это те же занятия, только в классе. Но зато больше

---

² Чумбур – повод к походному недоузду или узде, с которой могут быть сняты мундштук и удила; приставляется к кольцу подбородного ремня, а свободным концом – за ремень под кобурой. Имеется при всякой строевой седловке, кроме учебной.

стало занятий по тактике и чаще стали поднимать по тревоге или для 40—50-километрового марша. В феврале – марте нам заменили материальную часть. Надо было ее осваивать.

Раньше у нас были 76-мм пушки и 122-мм гаубицы на деревянных колесах. Говорили, что они были в деле еще в Русско-японскую войну 1905 года. Теперь пушки заменили горно-вьючными. Заменили на горно-вьючное и все снаряжение. Даже кухни стали на вьюках. Только гаубицы остались прежние.

Много было разговоров, что вместо лошадей дадут мулов. Мы этого ожидали с трепетом. Как известно, мулы своенравны и не поддаются тренировкам. Но слухи не подтвердились. А может быть, начало войны не позволило осуществить планы. Лошадей же стало значительно больше. Теперь на каждую пушку полагалось по 24 лошади, и работы у огневигов прибавилось: каждый ухаживал сразу за двумя лошадьми.

С появлением новых пушек стали шутить: «Теперь кашу с салом есть будем!» У старых пушек были деревянные колеса с металлическим ободом, который после каждого занятия или простого перемещения пушки для предохранения от коррозии надо было густо смазывать пушсалом.

Новые пушки радовали огневигов. Легкие, с резиновыми колесами, они были легки и в перемещении на огневых позициях, и при транспортировке на марше. Чаще всего возили их в упряжке. Для транспортировки на вьюках пушка разбиралась на части. Два вьюка – ствол, два вьюка – лафет, один вьюк – колеса. Несколько вьюков – ось, щит, передок и зарыящик. Мы всегда жалели лошадь, которая везла кухню. Два котла подвешивались на специальное седло с обеих сторон лошади. Обед, завтрак или ужин готовились на ходу. Повар подкладывал в топки котлов саксауловые дрова. Сизый дымок шел из трубы, возвышающейся над седлом, а в котлах кипело варево. Жалко было лошадь не потому, что ей тяжело, – ей было очень жарко. В летнее время температура около сорока, лошадь почти вся укрыта кошмой, да еще котлы с боков подогревают.

Мы много занимались строевой подготовкой. Строевые занятия длились полтора-два часа. Тяжело было просто шагать два часа подряд, проделывая упражнения с ружьем, но больше всего изнурил строевой шаг. Ногу приходилось тянуть на уровень пояса. Удар ноги получался сильный, и где-то после часа занятий ног уже не чувствуешь, да и сам становишься неустойчивым. Такое ощущение, что позвоночник в пояснице переламывается.

Еще тяжелее были занятия по верховой езде. К ней курсанты относились по-разному. Одни увлекались ездой, для них это был праздник. Другие были равнодушны, думали: надо – значит, надо. А третьи терпеть не могли ни лошадей, ни седло. А может быть, не любили лошадей потому, что не любили седло. У таких слезы на глазах выступали, когда приходилось седлать лошадей.

Верховую езду вел инструктор конного спорта, старший лейтенант, кавалерист. Фамилию теперь уже не помню. Человек жестокий. С курсантами он никогда не разговаривал, и мы о нем ничего не знали, кроме того, что он за выпивки часто находился под домашним арестом. Сообщение, что это занятие будет проводить командир взвода, нас всегда радовало. Мы любили своего комвзвода лейтенанта Лебедева. Всегда чисто одетый, подтянутый. Никогда не допускал грубостей. В отличие от инструктора, он никогда не старался оскорбить или унизить даже самого нерадивого подчиненного. Позже, на фронте, когда встречались бывшие курсанты, мы часто вспоминали своего бывшего командира.

Занятия проводились на размеченном четырехугольнике. Почти все полтора часа занятий мы без стремян ездили шагом, рысью и галопом по сторонам и диагоналям этого четырехугольника. Кто не занимался конным спортом, представить себе, что это такое, никогда не сможет. Когда сидишь на лошади без седла – ноги расставлены не широко, охватываешь ими лошадь и чувствуешь себя устойчиво и даже на бегу подпрыгиваешь и опускаешься вместе с ней. В седле же ноги раздвигаются широко, ты уже не в состоянии обхватить ими лошадь,

а скользкая кожа сиденья и крыльев седла не имеет ни малейшего сцепления с всадником. Всадник оказывается в положении блина на сковородке. У блина, правда, есть преимущество. Его от падения предохраняют борта сковородки. При езде по прямой всадник чувствует себя еще более или менее устойчиво. Одни – более, другие – менее. Это зависит от многих обстоятельств. Например, от формы тела лошади. Грудь, например, у лошади бывает клинообразная и бочкообразная. От походки. Малейшая «развалка» отрицательно отражается на устойчивости. Длинноногий всадник тоже будет более устойчив в седле. Но основное все же – это способности наездника.

На поворотах, особенно на острых углах, удержаться в седле без стремян очень трудно. Трудно подобрать угол наклона. Можно просто сползти, особенно при езде рысью. Можно представить наше состояние в седле, если учесть, что у всех нас никогда не заживали потертости с внутренней стороны ног выше колена. Белье на этих местах всегда было в засохшей крови. Корка с подсохшей раны на первом же круге стиралась, и рана снова начинала кровоточить. А схватиться рукой за луку седла нельзя. За это следовало наказание. Наказывали и за переход лошади на галоп при команде «Рысью!». Нередко наказание кончалось «бочкой». Наказанный въезжал в круг диаметром 8 метров, огороженный двухметровой высоты камышовой стенкой. Дверь закрывалась. Инструктор, находясь вне круга, давал команду «Бросить стремя! Рысью!», а иногда и «Клинок к бою!», неистово хлопал длинным, как у пастухов, хлыстом. Лошадь носилась по кругу. Кончалось обычно тем, что всадник оказывался на земле. Даже если он долго не падал с седла, то лошадь в конце концов пробивала камышовую стенку и, разъяренная и неуправляемая, носилась по полю, пока не сбрасывала ездока. Потом лошадь ловили и вручали пострадавшему. Были и тяжелые травмы. Правда, я не знаю случая, чтобы были ранения клинком или чтобы травма кончилась демобилизацией солдата.

Очень тяжело давались рубка лозы и препятствия. Занятия усложнялись тем, что у нас были молодые необученные лошади да еще не кастрированные жеребцы. Как только всадник вынимал из ножен клинок, лошадь становилась неуправляемой. Позже, когда лошадей объездили, жеребцов кастрировали, а мы, очевидно, кое-чему научились, положение изменилось к лучшему.

Легче, чем другим, конная подготовка давалась курсанту-разведчику Козинцеву. Невысокого роста, быстрый, собранный, он как бы вращался в седле, ловко рубил лозу, пробовал даже двумя клинками. Неплохо брал препятствия. И наоборот, всегда потешались над Бондарем и Цибульским. Бондарю, правда, делали некоторую скидку: у него лошадь всегда занимала первое место по чистоте, а вот Цибульский часто оказывался в «бочке» и, бывало, падал с лошади с обнаженным клинком. Один раз даже упал в траншею. К счастью, обошлось без серьезных травм.

Лошадей мы всегда держали в чистоте. Каждую неделю для них устраивалась помывка. В поле, примерно в километре от конюшни, на берегу арыка назначенные из каждого взвода в наряд курсанты грели в котлах и ведрах воду. Когда вода была готова, выводились на чумбурах лошади, каждому курсанту выдавали по куску мыла, и работа начиналась. Мытье лошадей всегда проходило весело, со смехом и шутками. Лошади любят мыться. Но никогда мойка не заканчивалась без происшествий. Чаще всего какая-нибудь строптивая лошадь сбрасывала всадника при проводке после мытья (лошади надо согреться), и всем взводом приходилось ее ловить, а после снова мыть всех лошадей, так как они оказывались забрызганными грязью. Обидно до слез бывало, если лошадь убегала уже при возвращении в конюшню.

На всю жизнь мне запомнился один случай. Закончив мойку, я взобрался на спину своей Стрелы – так звали мою лошадь. В одной руке чумбур, в другой ведро. На гребне почти полуметровой насыпи из грунта, вынутого при рытье арыка, лошадь мотнула головой, чумбур звякнул о ведро, лошадь сделала скачок влево, и я, как блин со сковороды, слетел вправо и всем телом плюхнулся в громадную грязную лужу. Что тут было! Курсанты окружили меня со

всех сторон. Каждый старался отличиться в остроумии. Смех и шутки сыпались со всех сторон. Даже никогда не улыбавшийся помкомвзвода старший сержант Пудышев не мог унять хохота. Только мне было не до смеха. Предстояли стирка и сушка обмундирования и белья. Чтобы как-то отвлечь внимание товарищей, я храбрился, заявляя, что это чепуха, что я и не так летал с лошади. Вскоре лошадь была поймана и поставлена в стойло конюшни. Взвод построился и ушел в расположение полка продолжать занятия по расписанию, а меня оставили на конюшне приводить себя в порядок. Надо было постирать обмундирование и белье и, пока оно сушилось, отремонтировать смятое при падении с лошади ведро.

Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область (из воспоминаний)

Вспомнился случай из раннего детства. Было мне тогда лет десять. Ранняя осень. Сенокосы закончены. В эту пору сенокосные угодья односельчан, да и соседних деревень, объединялись и теряли свои границы, и выпас скота разрешался в любом месте. В один из вечеров нас с двоюродным братом (он был на год старше) отправили в отдаленное урочище в ночное. Земли принадлежали соседней деревне. Для выпаса скота они не использовались, очевидно из-за отдаленности, и там после сенокосов всегда была хорошая отава. Вот туда нас и отправили пасти лошадей. Посадили на лошадей, дали металлические путы. Лошадей в то время часто угоняли с пастбищ, вот их и заковывали в толстенную цепь со сложным замком.

Проехали мы километра два. Сумерки начали сгущаться. Кустарники сменились перелесками. Лошади шли спокойно. Отдыхали после тяжелого дневного труда. Только жеребенок резвился на свободе. Но и он, видимо, устал, пристроился к правому боку матери и все пытался ухватить своими теплыми мягкими губами мою босую ногу.

Выехали на поляну. Раньше там находился латышский хутор. Позже хозяева хутора или умерли, или переехали в другое место, и на месте подворья всегда рос высокий бурьян. Днем, в поисках птичьих гнезд, мы доходили до этих мест и даже любили посидеть на камнях бывших фундаментов, но к вечеру старались держаться подальше. В народе об этих местах ходили страшные легенды, и мы, дети, в них свято верили. Например, мы знали, что бывшая хозяйка хутора – мы ее называли просто «латышка», – утонувшая в болоте во время поисков потерявшейся коровы, каждую ночь выходит из болота и всю ночь бродит по полям своего владения и зовет корову, что дочь хозяйки в 12 часов ночи выходит из заваленного теперь почти наполовину хворостом колодца. Мы всегда заглядывали через сгнивший сруб в пропасть колодца, и не было конца рассуждениям, как живет там эта девчонка. Большинство из нас жалели свою сверстницу, но находились и такие, что с гневом бросали в колодец камни.

Напряженность нарастала. По спине пробежал холодок. Приближалось самое страшное место – развалины фундамента дома. Высоченный бурьян и огромные заросли бузины. Кажется, слышалось хлюпанье ног «латышки» в болоте. Рука, державшая металлическое пuto, разжалась, и оно упало на спину лошади. Звенья цепи звякнули. Видно, дремавшая в это время, лошадь сделала резкий прыжок вверх и в сторону, и я, перевернувшись в воздухе, приземлился на голову. Когда поднялся, лошади уже были метрах в двухстах. Андрей мужественно держался на спине своего мерина, ухватившись обеими руками за гриву. Но не долго. Лошади бросились через канаву, поросшую ольхой и кустарником, и Андрей плюхнулся в грязь, сбитый ветками ольхи. Некоторое время мы слышали топот и фыркание лошадей, а затем все стихло. Остались мы вдвоем на самом страшном месте. Но теперь нас уже одолевало не страх привидения, а страх другой – вполне материальный. Мы остались без лошадей. Куда они убежали? Где их искать? И что будет с нами, если мы вернемся домой без них?

Мы хорошо знали нравы своих родителей. Они не будут выяснять подробности происшедшего. С нас просто спустят штаны. Тогда мы не представляли в полной мере трагедию потери лошади в хозяйстве, больше пеклись о своем заднем месте. Это теперь понимаешь, что для крестьянина в то время потеря лошади была равносильна смерти.

Лошадь кормила семью. На лошади обрабатывали землю, вывозили на поле навоз, увозили с поля урожай зерновых, картошку и сено. Увозили часть урожая на сдачу государству. Завозили дрова. А всю зиму на лошади вывозили из лесу и свозили для сплава на берег Западной Двины лес и дрова. Везли из карьера гравий на строительство дороги. Это были обязательные повинности. А если удавалось крестьянину как-то найти свободное время, он ехал в

извоз из города Велиж в Витебск и обратно. У нас на родине нет железной дороги. Все товары и сырье завозились и вывозились весной по воде, пока не обмелела Западная Двина, а зимой на лошадях по льду реки или по проселочной дороге. Даже сено возили за 80 км на рынок в город Витебск. Там цены были выше, чем в Велиже.

– Что мы будем делать? – заревел Андрей. – Я не могу идти домой без коня. Меня батька убьет!

– Пойдем искать, – растирая грязными руками по лицу слезы, сказал я.

И мы отправились. Я тащил на плече тяжелое пuto, а Андрея стесняла мокрая, грязная одежда.

– Их волки съедят, – ревел один из нас.

– Или украдут цыгане, – всхлипывал второй.

– Или потопчут чьи-нибудь посевы, тогда будет не откупиться, – заявил Андрей.

Ночь наступила быстро. Мы шли в полной темноте, то и дело попадая в глубокие грязные лужи. Хорошо, что не надо было бояться намочить обувь. Мы были босиком. Пройдя километр по лесу, свернули направо. Мы знали, что там, метрах в двухстах, есть поляна. Обследовав поляну, вернулись ни с чем. Не увенчался успехом и осмотр второй поляны, окруженной со всех сторон болотами. Только узкий, 10—12-метровый, перешеек соединял ее с материком. Но и там поиски были тщетными.

Вернувшись на лесную дорогу, мы решили идти до деревни Городец, предполагая, что лошади убежали в городецкие овсы. Прошли до деревни. Свернули с дороги. Вышли к болоту и пошли в обратном направлении. Только теперь не по дороге, а вдоль болота. Лошадей нигде не было. Усталость и холод прижимали к земле. Только страх перед лесной неизвестностью заставлял двигаться.

Перешли через болото и вышли на уже обследованную ранее поляну. Решили отдохнуть, так как дальше идти были уже не в состоянии. Надо раскладывать костер. Но страшно идти в лес за дровами. Отправились вдвоем – не так страшно. Спички нам давали по пять штук каждому. Костерок загорелся. Ночь, и так темная, при свете костра накрыла непрозрачным колпаком, и у костра сон быстро сморил нас. Не заметили, как уснули, пока не разбудил сильный предутренний холод. Одежка наша отсырела в ночном тумане. Как говорится, зуб на зуб не попадал. Чуть занимался рассвет. Уже был виден низко опустившийся над болотом туман. Но что это? На болоте, совсем недалеко от нас, кто-то сильно всхрапнул. Сердце сжалось: медведь! Через мгновение мы слышали шлепанье и слабое ржание жеребенка и ответ матери. Откуда взялись силы? Мы, не разбирая дороги, через пни и кочки бросились в туман и на окраине болота нашли спокойно пасущихся лошадей. Радости не было границ, хотя на своих лошадей мы были сильно злы. Договорились дома о случившемся не рассказывать. К моему счастью, лужа с большим слоем грязи спасла меня от ушибов, а может быть, и большего несчастья.

Осень 1941 года. Разведка

Но что-то случилось. От набравших мыслей отвлек Киселев:

– Товарищ сержант, немцы уже обедать собираются, а мы еще не завтракали. Если учесть, что и ужинать не придется, то пообедать бы надо.

– Да, теперь бы по сотне-две пельменей на брата, – прошептал Саранин.

– О, вы, ребята, не голодны, если думаете о пельменях. Я бы сейчас с удовольствием отодрал корку домашнего каравая, – сказал я, а у самого сильно заныло под ложечкой. И рассказал, на каких деликатесах росли деревенские дети на Смоленщине.

Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область (из воспоминаний)

Хозяйство моего отца, Харитона Карповича Андреева, было не последнее в деревне. Семья была небольшая. Отец, мать да нас трое детей – старший Сережа, младший Вася и я. Малыши, но все работали. По силам и уму и работа распределялась. Детям на игры время не отводилось. С четырех лет каждый был при деле. Были у нас лошадь, корова и пять овец. Выкармливали поросенка. Одно время отец даже был определен в подкулачники. Это значит, что и в кулаки не вышел, и от бедняков оторвался.

Отец и мать очень много работали. На отдых и сон оставалось 4–6 часов в сутки. Не знаю, то ли они в самом деле хотели разбогатеть, то ли нас хотели накормить досыта, но работали, напрягая все силы. Даже в воскресенье и престольные праздники, что в то время считалось за великий грех. А жили голодно.

Об одежде и говорить нечего. Если были самотканые штаны и рубаха без заплат, да еще и окрашенная крушиновой или ольховой корой, считалось за благо. Другие и этого не имели. Обувались в лапти. Суконные, из самотканого сукна, портянки считались роскошью. Лапти каждый плел себе сам. Дети этому ремеслу обучались уже в 6–7 лет.

Основным продуктом питания была картошка. Ее варили всегда нечищеную. Поставит мать чугунок с картошкой на стол. Перед каждым на стол насыпалась щепотка соли, выдавался кусок хлеба, и тут уж не зевай. На обед подавался картофельный суп – это блюдо называлось картошкой и подавалось на второе, а на первое – щи, называлось оно капустой. Сборная «капуста» для щей квасилась осенью, правда, была она без основного продукта – капусты. Входили туда свекла, редька, брюква и репа. И «картошка» и «капуста» заправлялись свиным шпиком. В большой горшок, а еда готовилась на весь день, опускался кусок шпика граммов примерно сто. Когда суп был готов, мать вынимала шпик на тарелку, растирала его ложкой и опускала в горшок. Но это случалось не всегда. Два дня в неделю – среда и пятница – были постными. А в году еще было три поста. Перед Рождеством шесть недель, перед Пасхой семь-восемь недель и перед Петровым днем – две недели. В постные дни даже молоко не разрешалось есть. Суп и щи ели с постным маслом. На большую семейную миску варева полагалась одна столовая ложка льняного масла. На поверхности супа плавали масляные «пятаки». Но какой был запах! Для запаха масло жарили на сковородке с луком.

После окончания школы. 1939 г.

Хлеб мать пекла из картошки, добавляя немного муки, а мука мололась из ржи, ячменя или овса с добавкой сушеных картофельных очисток и льняной мякины. Весной в хлеб добав-

лялись лебеда, головки клевера и стручки хвоща. Сейчас не всякий сможет представить, что это был за хлеб. Похож он был на оконную замазку, только фракции покрупнее. А корка при выпечке трескалась и отделялась от мякоти. Вот за эту корку, которая была нашим лакомством, нам часто попадало. Стоило матери отвернуться, как мы сдирали с буханки корку – и на печь. И даже такой хлеб нам выдавали по порциям.

В деревне ходил анекдот. В избу крестьянки зашел уполномоченный райисполкома и похвалил хозяйку: «Правильно, хозяйка, делаешь, что под печи глиной смазываешь». – «Да нет, товарищ начальник, это я хлеб из печи вынимаю».

У нас, детей, постоянно было желание заболеть. Больного кормили отдельно. Давалось сырое или вареное яйцо или кусок хлеба с маслом.

А с каким нетерпением ждали престольных праздников! В праздничные дни на стол подавалось свиное сало, масло, хлеб с меньшим количеством примесей, а на Пасху, Троицу и Петров день варили каждому по два-три яйца!

Правда, весной и летом было полегче. Добавлялся подножный корм. Ели все: стручки хвоща, сурепку, корни осоки, щавель, заячью капусту, ягоды зеленые и зрелые, плоды дикой яблони, ягоды крушины, скоблили и ели камбий деревьев – осины и ольхи. Ели и колоски ржи, и многое другое. А уже к середине лета поспевали горох и овощи...

Осень 1941 года. Разведка

Вот и вспомнилась мне корка деревенского хлеба, даже запахом капустных листьев, на которых хлеб сажали в печь, потянуло.

– Вот что, Сережа, – сказал я Киселеву, – ты иди в лес, вдоль реки, насобирай стеблей осоки, а может быть, найдешь заячьей капусты или еще что-нибудь съедобное, а Саранин принесет воды. Только будьте осторожны.

Киселев и Саранин покинули наш наблюдательный пункт. Не прошло и пяти минут после их ухода, как в лагере врага началось движение. Солдаты по одному и группами выходили на дорогу и вглядывались в даль. Неожиданно двое перешли по мосту и стали осторожно продвигаться по берегу. Я замер. Неужели они заметили Саранина? Если так, то вся операция может сорваться! Что предпринять? Я, конечно, мог бы без труда их уничтожить. В то время у меня была автоматическая винтовка СВТ. Мне нравились ее скорострельность и точность боя. Она позволяла прицельно стрелять через 1–2 секунды. А стрелял я хорошо – на лету убивал ворону. Открой я стрельбу, один, без сомнения, был бы убит с первого выстрела, и второй немец не успел бы опомниться, как я бы выстрелил снова. Но это привлечет внимание не только охраны моста, но и немцев в проходящих по дороге колоннах. Кроме того, охрана, надо полагать, имеет связь с каким-то гарнизоном. Пройдя метров сто, гитлеровцы остановились, что-то долго рассматривали в прибрежных зарослях лозняка, затем прошли еще немного, почти вышли на линию наблюдения и повернули назад. Стук сердца стал утихать.

Вслед за легким шорохом показалась голова Саранина. В руке – фляга с водой. На поясе еще две. Отдышавшись, сказал, что у него душа была в пятках. Пройдя метров двести, он только свернул к реке, как увидел движущихся в его сторону немцев. Сердце замерло. Замечили! Лег за дерево. Патрон в патроннике. Решил стрелять, если будут приближаться, но все кончилось благополучно.

Вернулся Киселев, принес полную противогазную сумку съедобной травы. Пообедали. Но голод не стихал.

По шоссе время от времени двигались немецкие части. Наши подопечные, тоже пообедав, успокоились. Отдыхали. Мы уже освоились с обстановкой и чувствовали себя спокойно. Приближался вечер. Вернулись связные и с ними командир взвода, который рассказал, что пушку уже подкатывают, что наша задача – после выстрела пушки не дать возможности уйти живым ни одному немцу из охраны, если такие будут. Мне наконец разрешили уснуть.

Кажется, веки еще не сомкнулись, как меня уже разбудили. Приказано всей командой выдвинуться вперед, к самому берегу реки. Дальность до цели должна быть минимальной.

Смеркалось и заметно стемнело. Движения по дороге не было. Мы залегли у самого обрыва берега. В это время резануло уши. Выстрел и разрыв слились воедино. На месте полуземлянки немецкой охраны взметнулся черный столб земли вперемешку с бревнами и досками.

Вглядываясь, мы напрягли зрение – надо было обезвредить оставшихся в живых немцев. Но никакого движения, все затихло. Прошли долгие минуты мучительных ожиданий, и из леса на дорожную насыпь у моста стали подниматься упряжки с пушками. Ездовые понукали лошадей. Мы присоединились к орудийным расчетам.

Через километр-полтора свернули на проселочную дорогу. Теперь уже совсем стемнело. Впереди полыхало несколько костров. Приблизившись, увидели, что в 50 метрах от хат деревни горит несколько машин и бронетранспортеров. Немецкие. Потом мы узнали, что группа разведчиков и рота пехотинцев, еще днем переправившись через реку, ближе к ночи уничтожили группу немцев, заночевавших в деревне, обеспечив путь движения дивизии.

Осенняя ночь. Темнота такая, что в метре от себя ничего не видно. Поступила команда остановиться на ночевку в деревне. Это хорошо. Можно покормить лошадей. Лошадь мне уже передали. Завел я ее в какой-то сарай, нашел охапку сена, задал лошади, прилег в кормушку и уснул мертвым сном.

Подняли по тревоге ранним утром. Срочно покинули деревню и разместились в лесу по периметру большой поляны. Поступил приказ – никаких движений, костров не разводить! Все были уверены, что после вчерашнего боя немцы попытаются уничтожить нас с воздуха. Некоторые даже ровики выкопали, на случай воздушного налета. Но пока тихо. Спешно устроились на дневку. Знали, что двинемся в путь только вечером или ночью. Мы, взвод разведки, устроились на опушке леса.

Второй день стоит хорошая теплая солнечная погода. В природе, как и в обществе людей, что-то нарушилось. В начале октября пришла настоящая зима, а теперь, спустя две недели, вернулось «бабье лето». Солнечно, вокруг стоит тишина, безмолвие. Можно подумать, что кончилась война. Но так всегда бывает перед бурей – и на фронте, и в природе. Поэтому все настороже. Ждем боя или отхода в глубь леса. А пока можно и пофилософствовать.

Через месяц исполнится ровно 40 лет, как кончилась война, а меня все не оставляет в покое вопрос: как мог выстоять в такой войне советский человек, и в частности солдат? Как человек мог месяцами жить без жилья? И не на одном месте, а все время в движении. А значит, он не мог оборудовать для себя даже примитивного пристанища, не имел возможности укрыться от холодных осенних дождей и пронизывающих ветров, от зимних морозов, доходивших порой до 40 градусов, не имел возможности снять и просушить обувь и одежду и даже разложить костер, чтобы согреться. Как он мог проходить в сутки по 80 километров с полной боевой выкладкой – винтовка, противогаз, вещмешок с боеприпасами и личными пожитками? И не по дороге, в теперешнем нашем понимании, а по бездорожью, превращенному тысячами солдатских сапог, военной техникой и обозами в месиво, иногда достигающее до колен, и под проливным дождем, а зимой – в валенках по превращенному в песок снегу. В мороз, при обжигающем ветре. Как мог человек жить без нормального питания и даже простой чистой воды, без сна по несколько дней? Спать в перерывах между боями на дне окопа, превращенного солдатскими сапогами в грязь, а зимой – на промерзшей земле. Жить без санитарной обработки (их стали проводить только в марте 1942 года), без бани и смены белья.

Думаю, что человек рассчитан на значительно большее, чем он отдает в повседневной жизни. Резервы человека неограниченны, и закладываются они с раннего детства. Говорят, человек познается в беде. Это истина. За четыре года войны и два года службы в армии каждый из нас повидал многое такое, чего не увидел бы за всю свою сознательную жизнь в других условиях. Кому было легче переносить тяготы войны – людям, избалованным жизнью или уже в детстве познавшим трудности? Кто был добрее и терпимее к своему ближнему – человек, которому экстремальные условия были по плечу, или выбитому из колеи тяжелой фронтовой обстановкой? А все это влияло и на выполнение своих обязанностей, приказов и распоряжений командиров. Конечно, бывают и исключения, но в основном это так.

При отступлении мы целый месяц, день в день, месили болотную грязь в тылу врага, в лесах и болотах Брянщины, без продуктов, одежды и обуви, но я ни разу не слышал жалоб своих товарищей. Все воспринимали трудности как должное. Можно возразить – скрывали свое настроение. Думаю, что нет. Мы были очень близки друг с другом. Да и у каждого была возможность поискать другой жизни. Уйти можно было в любое время. У нас было – я говорю о своем дивизионе – 32 человека уроженцев Смоленской области и 39 украинцев. Родные места и тех и других были не дальше, чем линия фронта на востоке, если она существовала в то время. Можно было просто уйти, и линию фронта переходить не надо, но никто об этом и подумать не мог. Все мысли были направлены только на одно – как быстрее соединиться со своими и дать бой врагу.

Я уже писал, что мы многое доверяли друг другу. Видно, так человек устроен, что необходимо поговорить о том, что ему дорого. Чаще всего наши разговоры приводили нас в детство, в семью, к родным, к матерям. Даже замкнутые люди открывали свое прошлое и мечты о будущем. Никто никогда не пытался показать себя выше других. И вот какой я сделал в то время вывод: мы все прожили свои детские годы примерно в одних условиях. Труд с раннего детства, голод в большей или меньшей степени, надежда на свои силы и стремление в будущее. Очевидно, это и дало нам потом силы переносить все тяготы войны.

Основной вопрос этой главы – как жили и о чем мечтали дети той далекой довоенной поры? Я остановлюсь на своем детстве и детстве моих братьев. Но примерно то же можно было бы рассказать почти обо всех моих сверстниках-односельчанах.

Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область (из воспоминаний)

Мои неграмотные родители (мать не знала ни одной буквы, отец окончил один класс церковно-приходской школы) не изучали методов воспитания детей. Но они твердо знали: чтобы жить, надо работать. Это правило распространялось и на детей. Ребенок, вставший на собственные ноги, уже должен был выполнять посильную работу. В четыре года мы уже пасли кур и теленка, выгоняли в поле на пастбище корову и выполняли любые поручения родителей. В шесть лет мы косили, пололи грядки, сушили и убирали сено, теребили, молотили и мяли лен. В шесть лет я уже пробовал бороновать пашню. Правда, круто повернул лошадь, опрокинул борону и сам чудом не оказался под бороной. Пастьба же скота полностью ложилась на детей. Весной, когда еще не закрыты для выгона скота сенокосные угодья, и осенью, когда сенокос закончен, мы в шесть лет уже зарабатывали свой хлеб, выпасая скот бездетных семей. Платили нам пуд ржи за одну корову за лето.

Можно подумать, ну и что здесь тяжелого, пасти скот? Сиди на кочке, а корова травку щиплет. Какая идиллия! Как знающий эту работу, должен возразить. В то время все крестьяне жили на хуторах. Земельные участки крохотные – 4–6 гектаров вокруг дома да 2–3 гектара сенокоса, расположенного за три километра, среди кустарников. На участке есть пашни под озимыми и яровыми, сенокосы, болота и выгон. Вот на этом выгоне примерно 100 на 100 или 50 на 20 метров надо было пасти скот, и не дай бог, если корова схватит клочок травы на сенокосе или на посевах – тут тебе не миновать ремня. Поэтому маленький пастух все время на ногах.

А что стоит подъем! Летом скот выгоняют на пастбище рано, до восхода солнца. Для детей, да и не только детей, в это время самый сладкий сон, а тебя поднимают с теплой постели. Мать поднялась еще раньше, уже подоила корову, наливает в миску молока, смешанного с сывороткой и творогом, и кладет кусок хлеба. Это завтрак. Но какой завтрак, если ты клюешь в тарелку носом. Идем выгонять скот. Утренняя свежесть обжигает холодом, стынут ноги. Еще мучительнее переносишь холод утренней росы. Босые ноги, мокрые до колена штаны, и солнце еще не взошло, чтобы обогреть. Нестерпимо хочется спать. Особенно трудно удержаться ото сна во время восхода солнца. Были случаи, и нередко, что засыпали и были биты. Когда мне было четыре года, а моему старшему брату Сереже шесть лет, у нас в хозяйстве было две коровы и мы пасли их вдвоем. Коровы у нас были распределены, и каждый пас свою, но в эти утренние часы объединялись в кооператив и пасли поочередно. Один следил, а другой садился на кочку, покрытую толстым слоем мха, ноги под себя, и спал некоторое время. Потом менялись ролями. Правда, часов у нас не было, и, я думаю, старший, более сообразительный, обманывал младшего. Когда поднималось солнце, становилось веселее, да и холод уже не мучил. Но все равно было тяжело. Коровы уже поели травы и норовили схватить что-нибудь повкуснее. Поэтому надо было все время бегать по периметру выгона, отгоняя их от запретной зоны. Да и есть хотелось. Чем выше поднималось солнце, тем больше появлялось оводов – злейших врагов скота. Коровы не выдерживали и в конце концов, подняв хвосты и не разбирая дороги, неслись домой. Зная эту их слабость, мы всячески пытались ускорить наступление этого долгожданного момента. Надо было подойти к корове и прожужжать «зы-зы-зы», корова настораживалась, затем поднимала хвост и улепетывала домой. Если она была не одна, за ней бежали и остальные. Иногда родители разгадывали наши проделки и, отшлепав по мягкому месту, снова отправляли пасти, а иногда принимали наши объяснения за истину. Утренний выпас заканчивался. Будет еще вечерний, когда спадет жара, но он проходит значительно легче – спать уже не хочется, нет росы, мокрых штанов и холода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.